

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

№ 1(25)

2015

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

**2015
№ 1(25)**

**Общественно-политический
и научный журнал**

Издается с 1997 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Самарский государственный
университет

© ФГБОУ ВПО «Самарский
государственный университет», 2015

© «Самарский земский
сборник», 2015

**Главный редактор
П.С. Кабытов**

Редакционная коллегия

А.Н. Завальный
(заместитель главного редактора)
В.Н. Данилов
Э.Л. Дубман
Н.Н. Кабытова
В.В. Кондрашин
Ю.Н. Смирнов

Ответственный секретарь
О.Б. Леонтьева

Художественный редактор
Л.В. Крылова

Компьютерная верстка, макет
Л.Н. Законовой

Подписано в печать 09.11.2015. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,85; уч.-изд. 2,75.
Гарнитура «Newton». Тираж 100 экз. Заказ № 329
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1, тел. 334-54-23.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Прайм».
Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

СОДЕРЖАНИЕ

Кабытова Н.Н., Леонов М.М. Шесть сюжетов исторических изысканий М.И. Леонова	5
Дубман Э.Л., Зудина В.Н. Возникновение локальных районов сельского расселения на Юго-Востоке Европейской России в первой половине XVII вв.	14
Тюрин В.А. Земские участковые начальники в системе губернского административного управления России конца XIX – начала XX в.	22
Пазин Р.В. Политический террор и либералы накануне Первой российской революции	28

Рецензии

Кабытов П.С., Федорова Н.А. Представляем книгу казанских историков	36
Курытников В.Н. Рец. на кн.: Кабытов П.С., Дубман Э.Л. С.Ф. Платонов и Самара: история и память: материалы и исследования. Самара: Издательство «Самарский университет», 2015. 90 с. 40 илл.	40
Информация для авторов	43

ЗВАНИЕ ЛАУРЕАТА
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК»

В 2012 г. редакционной коллегией журнала «Самарский земский сборник» было учреждено звание лауреата общественно-политического и научного журнала «Самарский земский сборник». Звание присваивается за вклад в изучение российской истории и истории Самарского края. Звание лауреата в 2015 г. было присуждено доктору исторических наук, профессору, декану исторического факультета Юрию Николаевичу Смирнову; доктору исторических наук, профессору кафедры Российской истории Михаилу Ивановичу Леонову; доктору исторических наук, профессору кафедры отечественной истории и историографии Геннадию Афанасьевичу Широкову.

УДК 930

*Н.Н. Кабытова, М.М. Леонов**

ШЕСТЬ СЮЖЕТОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ М.И. ЛЕОНОВА

Статья посвящена историографическому наследию М.И. Леонова. В ней проанализированы основные направления научных изысканий, оценки и заключения историка по актуальным вопросам общественно-политического развития России на рубеже XIX - XX веков. Показан вклад М.И. Леонова в изучение истории левого народничества и партии социалистов-революционеров.

Ключевые слова: М.И. Леонов; эсеры; народники; террор; региональная история; местные организации политических партий; гендерная история

2015 году Почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, профессору, доктору исторических наук, почетному профессору Самарского государственного университета Михаилу Ивановичу Леонову исполняется 75 лет, 50 из которых посвящены научно-педагогической деятельности. Его труды по истории общественно-политических процессов в Рос-

* © Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории, Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П.Королева (национальный исследовательский университет), don.kabytov2012@yandex.ru, тел. 8(846)3345449

Леонов Михаил Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры общенаучных дисциплин и права, Самарская академия государственного и муниципального управления, mmleonov@gmail.com, тел.89050171976

сии рубежа XIX – XX веков хорошо известны академическому сообществу. Научные изыскания профессора М.И. Леонова, его аналитические выводы и прогностические оценки представляют собой вклад в изучение многофункциональных аспектов взаимоотношений власти и общества эпохи войн и революций в России [1, с. 3-5].

Михаил Иванович называет себя кабинетным, неспешливым ученым. Кабинетным по природе, а неспешливым – еще и по осознанию. «Служенье муз не терпит суеты», – любит повторять он. Среди работ М.И. Леонова наибольшую известность получили исследования о партии социалистов-революционеров. В молодости его отговаривали от этой научной проблемы, предлагали заняться историей КПСС или рабочим движением. В 1970 году шеф журнала «История СССР» И.Д. Ковальченко, вернувшись из ЦК на редакционное совещание, сказал о статье М.И. Леонова: такая тема не пойдет. Автору предложили подготовить публикацию о «критике западнобуржуазной историографии». Похожая история случилась в 1985 году. Составитель сборника по материалам конференции в Казанском университете занялся с публикацией статьи об аграрной агитации эсеров Поволжья в 1905-1907 гг. Издателя вновь напугала тема. М.И. Леонов не пошел на компромисс. Статья была размещена в сборнике Куйбышевского университета и вызвала большой интерес научной общественности [2]. В 1991 году на конференции «Реформы и революция» в Ленинграде эта статья была названа образцом региональных исследований по истории партий вообще и партии эсеров в частности.

Десятки лет М.И. Леонов формировал источниковую базу по истории эсеров, поскольку в начале 1960-х годов, когда он обратился к этой теме, опубликованных источников практически не было. До начала 1990-х годов его работа наталкивалась на определенные трудности: были спецфонды архивов и спецхраны библиотек, были прошитые суровой ниткой тетради с пронумерованными листами. Как и все целеустремленные исследователи, М.И. Леонов сохранял в своей памяти информацию секретных документов, которые предоставлялись исследователям лишь для ознакомления. В этих специфических трудностях советской эпохи были и преимущества: не было лишних посетителей, книги и дела выдавались сразу в необходимых количествах, хранились на рабочем месте в закрытых помещениях. И в библиотеках, и в архивах он был своим человеком. Его прекрасно знали в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации), музее книги «Ленинки» (Государственная библиотека СССР имени В.И.Ленина, ныне Российская государственная библиотека), библиотеке исторической литературы (ныне Государственная публичная историческая библиотека).

М.И. Леонов стремился создать генеральную совокупность источников по истории народничества в России конца XIX – начала XX вв. Результатом его усилий стал ряд публикаций, получивших большую известность среди отечественных и зарубежных исследователей. К числу наиболее заметных можно отнести коллективную монографию «Политические партии России

в революции 1905-1907 гг.», сборник статей «Непролетарские партии России в революциях», монографию «Эсеры в революции 1905-1907 гг.», сто страниц приложений в монографии «Партия эсеров 1905-1907 гг.» [3, 4, 5]. Собранные и систематизированные им источники стали пищей для массы исследователей. Не случайно в большинстве авторефератов диссертаций, посвященных партии эсеров или революции, одна из первых сносок – на труды М.И. Леонова. Немало ссылок на его исследования содержится и в обобщающих сочинениях по истории России рубежа веков. И по сей день он продолжает работу с источниковой базой: его новая работа «География эсеровских организаций. Конец XIX – начало XX веков» опубликована в четырех номерах «Самарского земского сборника» [6, 7, 8, 9]. Она представляет собой обработанные данные десятков архивных фондов, огромного количества газет и журналов, мемуаров и исследований.

Проблематика научных работ М.И. Леонова довольно широка. Это политическая и социальная, а в последнее время – также гендерная история императорской России рубежа веков. С начала XXI века он обратил особое внимание на проблему террора и реакцию на него русского общества. Нам представляется целесообразным выделить шесть основных сюжетов в историографическом наследии М.И. Леонова и кратко охарактеризовать каждый из них.

Сюжет первый: Партия социалистов-революционеров

В работах М.И. Леонова содержится детальный анализ доктрины и программы партии социалистов-революционеров, размышления о социализме как явлении русской жизни. Одна из наиболее значимых его публикаций – статья «Пролетарский и крестьянский социализм», вызвавшая большую дискуссию и разнонаправленные оценки [10]. М.И. Леонов пришел к выводу, что весь русский социализм являлся, по существу, единым социализмом, а различия между его модификациями (эсеровской, пролетарской и т.д.) носили частный характер. М.И. Леонов показал, что эсеры были самой традиционалистской из всех социалистических партий России, аккумулировали как доктринальные положения народников и народовольцев, так и партийную структуру предшественников.

Исследования и выводы М.И. Леонова носили новаторский характер еще и потому, что в прежние времена структура политических партий России начала XX века была исследована поверхностно. Он выявил состав и численность партии социалистов-революционеров от зарождения до 1907 года, показал динамику численности в период с 1907 по 1916 гг.; очертил изменения организационной структуры от появления эсеровского движения до его консолидации, установил количество организаций и членов на местах. Проведенные исследования убедительно показали, что эсеры – это внепарламентская и непарламентская, зачастую антипарламентская массовая доктринальная политическая партия, особенно в первый период своего существования. Вначале эта организация была типично заговорщической, с

числом членов в несколько сотен; затем число ее членов возросло до двух тысяч, и, наконец, она превратилась в заговорщическую массовую партию с десятками тысяч членов. М.И. Леонов подсчитал, что в партии до 1905 года было всего 54 организации; в 1905 - 1907 году – до полутысячи местных организаций и групп, с количеством членов около 65000 [11, с. 401-413]. Эти подсчеты признаны как отечественными, так и зарубежными историками, в частности, крупнейшим исследователем Манфредом Хильдермайером [12, с. 315-316, 415-417, 448].

Эсеры являли собой российский тип массовой партии. К этому же типу можно отнести социал-демократов, Бунд, Союз русского народа. Их политическое требование – это диктатура трудящегося народа (у социал-демократов – «диктатура пролетариата»). Это кардинально отличало российские революционные партии от европейских. По своей политической структуре эсеры – массовая партия, партия прямого действия по классификации М. Дюверже. Это ячейковая партия коммунистического типа. Как следует из работ М.И. Леонова, эсеры не могут быть отнесены к «классовым» партиям ни по программатике, ни по социальному составу, ни по лозунгам, ни по поддержке социальных групп. Эсеры являлись общенациональной партией, что было видно, например, по выборам во II Государственную думу и Учредительное собрание.

М.И. Леонов отмечал, что основной упор эсеры делали на насильственные меры, вооруженное восстание; они сумели сформулировать такую аграрную программу и такие обещания, которые привлекли на их сторону значительную часть рабочих и огромные массы крестьян в годы резких социальных катаклизмов (1905-1907, 1917). Большевики не смогли повторить этот успех в крестьянской среде, и просто позаимствовали эсеровскую аграрную программу, чтобы укрепиться у власти. В работах М.И. Леонова также обстоятельно изучена деятельность эсеров в годы Думской монархии, особенно с конца 1908 года, когда партия, по сути, разваливалась, а число ее членов стремительно сокращалось (примерно до полутора тысяч). В 1917 году оно вновь подскочило, в этот раз – примерно до миллиона человек.

Сюжет второй: Террор

М.И. Леонов заинтересовался проблемой терроризма в связи с изучением тактики социалистов-революционеров. Историк удалось выявить немифологизированную сущность эсеровского террора и боевой организации партии, показать специфику ее деятельности на фоне эпохи. Исследованы психологические особенности эсеровских лидеров (от Г.А. Гершуни и М.Н. Мельникова до Е.С. Сазонова) [13, 14]. При этом М.И. Леонов использовал новые методологические подходы, в частности, антропологический анализ. Стремясь определить типы террористов, выявить характер их поведения на следствии, суде и после вынесения приговора, исследователь доказал, что «генезис боевой организации» – это не миф, но предприятие нескольких человек (М.М. Мельникова, П.П. Крафта, Г.А. Гершуни и их соратников) [15, 16].

Эсеровский террор явился одним из симптомов смуты 1905-1907 годов. Для правительства, да и всего политического истеблишмента, покушения С.В. Балмашева, Ф.К. Качуры и других террористов оказались неожиданными и привели к растерянности. В своих работах М.И. Леонов обосновал мысль о том, что эсеровский террор был доминантным, специфически российским явлением. Он имел свои хронологические границы: можно говорить, что уже к 1909-1910 годам индивидуальный политический террор «старого типа» в России сошел на нет [17]. Исследования М.И. Леонова показали, что после разгрома «гершуневской» боевой организации верхушка партии эсеров была до некоторой степени деморализована. Это отразилось в предприятиях С.Г. Клитчоглу и Азефа-Савинкова [18]. Таким образом, в работах историка были проанализированы не только особенности терроризма в России, но и способы борьбы с ним.

Сюжет третий: Региональная история

Перу М.И. Леонова принадлежит ряд очерков о российской провинции. Он интересовался историей широкого ареала: от Казани до Астрахани, от Пензенской и до Уфимской губернии. Исследователь показал, что в имперский период для региональной истории характерна повышенная патриархальность. Его работы выявили изоморфность настроений основной массы провинциального населения до 1916 года. М.И. Леонов пришел к заключению, что наибольшей устойчивостью в регионе обладали консервативные организации. Они же были и наиболее многочисленными, особенно в многонациональном и многоконфессиональном пространстве. Эти консервативные структуры были слабо представлены в регионах сглаженной полиэтничности, таких как Пензенская, Самарская, Симбирская губернии; напротив, они были многочисленны в регионах обостренной полиэтничности: Казанской, Астраханской, южных уездах Саратовской губернии [19, 20, 21].

Изыскания М.И. Леонова показали, что годы Первой мировой войны в провинции характеризовались патриотическим подъемом и поддержкой властей. Военные трудности осознавались как неизбежные. Историк отмечал, что в городах региона как в 1916 году, так и в первой половине 1917 года имелись в достатке хлеб и другие продукты питания. В годы войны обострилась проблема деликатесов, но она ударила, прежде всего, по богатым слоям населения.

М.И. Леонов исследовал характерное явление той эпохи – «бабьи бунты». Их было немного, но они стали новым и весьма оригинальным явлением в предреволюционной истории России. В основном эти бунты возникали на почве дефицита продуктов и предметов первой необходимости. Проявления недовольства в Поволжском регионе четко определились только с 1916 года. М.И. Леонов констатировал, что смута спускалась сверху, из Петербурга, из Государственной думы, а затем, на местах, проникала в земства и городские думы.

Сюжет четвертый: Политические партии в Среднем Поволжье и Заволжье

В Среднем Поволжье и Заволжье были представлены организации всех значимых политических партий России. Помимо них существовали национальные и конфессиональные организации мусульман, чувашей, татар. Однако такого партийного изобилия, как в Петербурге и Москве, не наблюдалось.

До 1905 года в Среднем Поволжье существовали только революционные партийные организации. С 1905-1907 годов проявили себя и либеральные, и консервативные, и национально-конфессиональные объединения [22, 23, 24]. М.И. Леонов установил, что все наиболее значимые организации Среднего Поволжья и Заволжья характеризовались эксплицитно выраженными характеристиками массовых организаций непарламентского типа; все они были настроены на жесткую конфронтацию друг с другом. Это в равной степени было характерно как для крайне правых (Союз русского народа), так и для крайне левых (Партия социалистов-революционеров). Временами эта конфронтация походила на стремление к аннигиляции друг друга.

Согласно сделанным М.И. Леоновым подсчетам, политические организации Поволжья в 1905-1907 годах имели массовую поддержку, что выразилось при голосовании на думских выборах, где проходили, в основном, партийные кандидаты. После первой русской революции численность радикальных и либеральных политических организаций в провинции резко уменьшилась, сократившись до десятков членов. Особенно значительны были потери революционеров. М.И. Леонов показал, что противоречия большевиков и меньшевиков в регионе Среднего Поволжья мало проявлялись как до, так и после 1912 года. Окончательно размежевались они только в ходе революционных событий 1917 года. Октябристы сохранили свою организацию до 1917 года (в то время как общепартийная организация октябристов развалилась в 1915 году). Монархические организации сохраняли большое влияние в годы третьей монархии. После 1917 года они перестали существовать. В целом исследователь наметил основные контуры изучения провинциальной партийности в Поволжском регионе.

Сюжет пятый: Историографические работы

Широкий спектр проблематики исследований М.И. Леонова предполагал изучение обширного историографического наследия отечественных и зарубежных историков. Его анализ зарубежных публикаций по истории народничества и партии социалистов-революционеров отличается объективностью и профессионализмом.

Событием в среде научной общественности стала коллективная статья в журнале «История СССР», для которой М.И. Леонов подготовил раздел о сочинениях видных западных специалистов по революционному движению: О. Рэдки, М.Перри, М. Хильдермайера [25].

Перу М.И. Леонова также принадлежат разделы по отечественной историографии народничества, опубликованные в журнале «Вопросы истории»

в 1985 и 1989 годах, статьи в ряде других изданий [26, 27]. В цикле историографических работ М.И. Леонов проанализировал интересные исследования молодых историков 1980-х годов, а также сочинения молодых специалистов по региональной истории.

Сюжет шестой: Гендерная история

В последнее время М.И. Леонова увлекает крайне важная проблема русской истории: женщины в политических партиях, женщины-функционеры, женщины-террористки [28]. В ряде его недавних публикаций исследованы особенности поведения женщин-террористок. М.И. Леонов пришел к выводу, что в радикальное антиправительственное движение первыми включались представительницы верхних этажей социума: аристократки и дворянки, а следом за ними потянулись представительницы средних слоев: курсистки, институтки, все те, кого именовали представительницами интеллигенции. Исследования показали, что для женщин-террористок была характерна крайняя эмоциональность, фанатизм. Некоторые из них шли даже на самоожжение.

Женщины-революционерки массово включились в политическое движение с 1905-1907 годов. На этом этапе наиболее заметными были фигуры из высших общественных слоев. Женщины из простонародья примкнули к революционному движению в 1917 году. М.И. Леонов отмечал, что женщины стали активными участницами не только революционного, но и черносотенного лагеря. В опубликованной недавно коллективной монографии «Обретение Родины» он обстоятельно описал один из таких эпизодов, когда тысячи женщин собрались в монастырь для защиты священника Илиодора [29]. Можно сказать, что исследователь обозначил перспективы дальнейших разработок данной актуальной проблемы.

Подводя итоги научно-исследовательской деятельности М.И. Леонова, отметим, прежде всего, его значительный вклад в изучение всего спектра партийно-политической борьбы в России рубежа XIX – XX веков. Он представил широкую панораму причин возникновения, способов реализации программных установок, методов и направлений деятельности партии социалистов-революционеров. Особый интерес представляют наблюдения и выводы историка о характере взаимоотношений политических партий между собой, с одной стороны, и с властными структурами – с другой. В трудах М.И. Леонова выявлены глубинные причины революционных потрясений в России начала XX века, показано, как партийно-политическая рефлексия смыкалась с социально-экономическими требованиями народных масс. Таким образом, научные изыскания историка приобретают особую актуальность в современной ситуации.

Библиографический список

1. Кабытова Н.Н. Профессор Михаил Иванович Леонов // Самарский земский сборник. 2010. №1 (19).
2. Леонов М.И. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905-1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в революции 1905-1907 гг. Куйбышев, 1985.
3. Леонов М.И. Численность и состав партии эсеров в 1905-1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. Количественный анализ. М., 1987.
4. Леонов М.И. Партия эсеров в 1905-1907 гг.: структура, состав, численность // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.
5. Леонов М.И. Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара, 1992; Леонов М.И. Партия эсеров в 1905-1907 гг. М., 1997.
6. Леонов М.И. География эсеровских организаций на рубеже XIX – XX вв. (Европейская Россия. Центр) // Самарский земский сборник. Самара, 2005. № 3.
7. Леонов М.И. География эсеровских организаций на рубеже XIX – XX вв. Юг Европейской России (Европейская Россия. Юг) // Самарский земский сборник. Самара, 2005. № 4.
8. Леонов М.И. География эсеровских организаций на рубеже XIX – XX вв. (Европейская Россия. Великороссия) // Самарский земский сборник. Самара, 2007. №2.
9. Леонов М.И. География эсеровских организаций на рубеже XIX – XX веков (Сибирь. Эмиграция) // Самарский земский сборник. Самара, 2009. №1.
10. Леонов М.И. Пролетарский и крестьянский социализм в России в начале XX в. // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1994.
11. Леонов М.И. Партия эсеров: середина 90-х годов XIX в. // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М.: «Наука», 2005.
12. Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861-1917. СПб., 1997.
13. Леонов М.И. Процесс Е.С. Сазонова // Вестник Самарского муниципального института управления. Самара, 2013. №4 (27).
14. Леонов М.И. Арест Г.А. Гершуни и конец первой Боевой организации // Известия академии управления: теория, стратегия, инновации. Самара. 2012. №2 (9).
15. Леонов М.И. Эсер-террорист Ф.К. Качура на следствии и судебном процессе // Известия академии управления: теория, стратегия, инновации. Самара. 2012. №1 (8).
16. Леонов М.И. Конец первой Боевой организации эсеров. «Дело Богдановича» // Проблемы Российской и социальной истории. Самара, 2011.
17. Леонов М.И. Террор и Смута в Российской империи // Исторический вестник. Т.2. М., 2012.
18. Леонов М.И. «Дело Клитчоглу-Тютчевой» // Постигая историю. Пенза, 2006. №3 (24).
19. Леонов М.И. Власть и общество Средней Волги и Заволжья в годы Думской монархии // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2013. №8/2 (109).
20. Леонов М.И. Власть и общество Самары накануне Первой мировой войны (губернский город в первые годы думской монархии) // Гражданское общество и публичная власть: проблемы взаимодействия и управления. Самара, 2012.
21. Леонов М.И. Власть и общество на Средней Волге и Заволжье на рубеже XIX – XX вв. // Самарский земский сборник. Самара, 2012. №1 (19).
22. Леонов М.И. Партийные организации Самарской губернии в конце XIX - начале XX вв. // Самарский земский сборник. Самара, 2012. №1 (21).
23. Леонов М.И. Партийные организации Среднего Поволжья и XIX – XX вв. // Гражданское общество и публичная власть: проблемы взаимодействия и управления. Самара, 2013.

24. Леонов М.И. Партийные организации Среднего Поволжья и Заволжья в революции 1905-1907 гг. // Известия академии управления: теория, стратегия, инновации. Самара, 2013. №1 (14).

25. Канищева Н.И., Леонов М.И., Павлов Б.Д., Шелохаев В.В. Политические партии России в 1905-1907 гг. (Обзор немарксистской литературы) // История СССР. 1989. №6.

26. Волобуев О.В., Леонов М.И., Степанов С.А., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий периода первой русской революции в новейшей советской литературе // Вопросы истории. 1985. №5.

27. Волобуев О.В., Леонов М.И., Степанов С.А., Уткин А.И., Шелохаев В.В. Политические партии России в период третьеиюньской монархии в советской исторической литературе // Вопросы истории. 1989. №3.

28. Леонов М.И. Революционерка Л.М. Родионова // Самарский земский сборник. Самара, 2007. №1 (15).

29. Обретение Родины: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX вв.) Ч.1. Самара, 2013.

N.N. Kabytova, M.M. Leonov

SIX TOPICS OF THE HISTORICAL STUDIES BY MIKHAIL I. LEONOV

The article is devoted to the historical works by Mikhail I. Leonov. The authors analyze the main topics of historian's studies, his judgments on the actual problems of social and political history of Russia in the late 19th and the early 20th centuries. They characterize Mikhail I. Leonov's contribution to the studies of the history of the left-wing Populist movement and the Party of socialists-revolutionaries.

Key words: Mikhail I. Leonov; socialists-revolutionaries; Populists; terror; regional history; local boards of political parties; gender history.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.

В статье на примере Самарской Луки рассмотрены особенности возникновения локальных районов расселения в начальный период массовой колонизации лесостепной зоны Европейской России.

Ключевые слова: история России XVII в.; Самарская Лука; колонизация; государство; общество; служилые люди; беглые.

Начавшееся во второй половине XVI в. интенсивное освоение лесостепного пространства юга и юго-востока Европейской России было длительным и сложным процессом, занявшим несколько столетий. Как правило, оно представляло собой постепенное, поэтапное, проходившее под защитой засечных линий и отдельных крепостей, «сползание» ареала оседлого расселения к югу на плодородные земли «Дикого поля». В массовом колонизационном движении принимали участие и активно взаимодействовали самые различные акторы: государство, представители светской элиты, крупные корпоративные собственники; служилые, тяглые и «гулящие» люди. В ходе освоения новых земель наблюдались специфические для каждого региона особенности. К таковым можно отнести случаи появления далеко за пределами ареала массового расселения локальных районов с постоянным промысловым и сельскохозяйственным населением. Наиболее ярко это проявилось на Самарской Луке в первой половине XVII в.

Известно, что вмещающие ландшафты во многом определяют характер расселения и хозяйствования их жителей. Зажатый со всех сторон водой, гористый, заросший лесом полуостров сам по себе представляет локальную территорию. Прибрежная часть Жигулей изобилует высокими мысами и глубокими межгорными долинами, глухими лесами и потайными пещерами. Внутренняя часть полуострова представляет собой безводное ровное

* © Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории, Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П.Королева (национальный исследовательский университет), dubmane@mail.ru, тел. 8(846)3345449

Зудина Валентина Николаевна, зав. музеем археологии, этнографии, истории, Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П.Королева (национальный исследовательский университет), vinzed988@gmail.com, тел. 8(846)3345449

** Исследование подготовлено при поддержке РГНФ. Грант № 15-11-63001 а(р), «Служилые люди Южного Средневожья в XVII – начале XVIII в.».

плато, расчлененное оврагами, лесными участками. Реликтовость Самарской Луки проявляется в растительном и животном мире. Это убежище для некоторых представителей флоры и фауны, и для людей в трудную минуту. Такой статус полуострова подтверждают многочисленные укрепленные городища раннего железного века и средневековья, а также его дальнейшая история вплоть до последних десятилетий XVII в. Юго-восточная подгорная часть Луки наиболее пригодна для жизни, о чем свидетельствует изучение складывающейся локальной территории обитания.

История заселения Самарской Луки и ее отдельных территорий в XVII – начале XVIII вв. рассматривалась К.И. Невоструевым, Г.И. Перетятковичем, С.В. Бахрушиным и другими исследователями [10, 13, 2, 21]. Однако ряд моментов в этом процессе изучен далеко не полностью; нуждается в уточнении, что и попытались сделать авторы данной статьи.

Анализ совокупности археологических и письменных (архивных и опубликованных) источников позволяет сделать вывод о появлении устойчивой системы постоянных поселений на территории полуострова только с 1620-х гг. Именно с этого времени можно говорить о складывании сельской территории Самарского уезда.

Более ранние поселения и стоянки возникали здесь лишь sporadически и существовали недолгое время. После присоединения к России западную часть Луки контролировали станицы и разъезды из Алатыря, Свияжска и других городов. С 1571 г., со времени проведения реформы системы сторожевой службы в пограничье «Дикого поля», отряды служилых людей регулярно объезжали по правому берегу всю среднюю Волгу, устраивали там свои стоянки. Территория Самарской Луки входила в зону активной промысловой деятельности «наездом» коренного населения Среднего Поволжья – мордвы, чувашей, татар [4, с. 104-117; 3]. В прибрежной части полуострова каждый промысловый сезон обосновывались ватаги и рыбные дворы рыбаков из Руси [15. Д. 10838, л. 1-2; 15. Д. 6429, л. 97-97об.].

Первое конкретное известие о наличии временных стоянок на Луке относится к осени 1586 г., когда под «Шелехмецкими горами» расположились на «зимовье» не успевшие спуститься вниз по Волге русское и ногайское посольства [16. Оп. 1. 1587 г. Д. 1, л. 2-5]. Весной 1614 г. был основан временный острожек в западной части Самарской Луки. Его построил казанский голова Г. Пальчиков, посланный с 500 стрельцами на устье р. Усы для предотвращения похода по Волге казачьего атамана И. Заруцкого. Вскоре, в мае 1614 г., надобность в стрельцах на Усе отпала, и их отправили с основной армией к Астрахани [1, с. 419-427]. В начале мая еще одному голове, С. Соковнину с приказом стрельцов, указали перекрыть «переволоку» между Волгой и Усой и поставить острожек у южной оконечности Самарской Луки [1, с. 426]. Однако это поручение так и не было выполнено.

Начальные сведения об устойчивом сельском расселении в юго-восточной части Луки содержатся в деле 1631 г. о возврате беглых крестьян из вотчин Троице-Сергиева монастыря в Алатырском и Свияжском уездах [8. Д. 562, л.114-116]. Беглецы поселились во владениях самарского домового

патриаршего мужского Спасо-Преображенского монастыря на Самарской Луке в деревне «под Лысой горой» (Подгоры). Побег этот произошел примерно в 1627-1628 гг. В это время на востоке Луки, в подгорной низменной ее части, уже существовали села и деревни, получило развитие промысловое и земледельческое хозяйство. Когда и каким образом небольшая обитель обрела эти земли и в каком году появилось первое селение, неизвестно. Видимо, это произошло вскоре после 1619 г., когда патриарший престол занял Филарет (в миру Ф.Н. Романов). Монастырь понадобился патриарху в качестве транзитного перевалочного пункта для создания крупных промыслов в низовьях Волги.

Центром монастырских владений и самым ранним сельским поселением Луки, несомненно, являлось Рождествено. Село не имело начального «светского» имени. Оно было основано самим монастырем, построившим одновременно с избами переселенцев Рождественскую церковь. И село Рождествено, и деревня «под Лысой горой» были населены русскими. Практически одновременно на низменности под горами начала селиться мордва. С востока весь этот район защищал гарнизон Самары. Власти Самары и монастыря вынуждены были устраивать оборонительные сооружения и на самой Луке. К западу от Рождествено, на высоком надпойменном берегу находились постоянные караулы, память о которых была запечатлена в первичном названии с. Новинки - д. Новая Подкараульная. В этих «караулах», представлявших собой примитивные оборонительные сооружения и несколько изб, землянок или шалашей, в летнее время размещались небольшие отряды самарских стрельцов. От более позднего времени имеются сведения об оборонительных сооружениях, устроенных в с. Рождествено и других русских селениях восточной части Луки [15. Д.10845, л. 4-4 об.].

В Москве поощрялось заселение далекой волжской окраины. В 1633 г. игумен Спасо-Преображенского монастыря Феодорит в ответ на свою челобитную получил грамоту, по которой за монастырем разрешалось «крестьянам их жить по прежнему» [7. Оп. 1. Д. 67, л. 52].

Почти одновременно с восточной частью Луки начинают осваиваться и ее западные территории. Там в 1631/32 г. получил обширные земли в оброчное владение гость Надея Светешников. В Надеинском Усолье (названном так по его имени) была построена крепость, основаны соляной и рыбный промыслы, поселены работные и ратные люди, крестьяне. История этого промыслового владения в XVII в. хорошо исследована и не является предметом специального изучения в данной статье [2, с. 228-242]. Граница между Надеинским Усольем и Самарским уездом на Луке в высотном направлении пролегла примерно по линии Бруснянского оврага и «Морквашинских вершин».

Первое описание прибрежной части Самарской Луки принадлежит пропывавшему по Волге в 1636 г. секретарю голштинского посольства Адаму Олеарию. Олеарий указал только на Усольский городок, отряды казаков в устье р. Усы, а также на отдельные горы и урочища по берегу Волги (Соляная, Девичья, Печерская и др.). Он, очевидно, не знал, что юго-восточная

подгорная часть Самарской Луки была уже заселена [11, с. 379-383]. Это подтверждает карта, составленная путешественником. На ней достаточно точно показана Самарская Лука с ее основными горными вершинами и овражными долинами, но нет указаний на постоянные селения.

К концу 1630-х - началу 1640-х гг. поселенцы освоили не только наиболее удобные для хозяйствования земли Рождественской низменности, но и начали проникать в межгорные долины. Итоги этого расселения отражены в переписных и отказных (они указываются еще и как «описные») книгах самарских воевод Ф. Племянникова и П. Загряжского 1639/1640 и 1641/42 гг. [12, стб. 462, 955-956].

В одних случаях по данным переписных книг И. Александрова и Л. Пантелеева (1639 г.) говорится о 168 дворах в монастырской вотчине, в других – по составленным при воеводе П. Загряжском книгам – о 210 дворах с 450 жителями м.п., русскими и «чувашиами» [12, стб. 462; 17. Оп. 52. Д. 1407, л. 41об.]. В целом же население сел и деревень подгорной части Луки составляло почти тысячу человек. Русское население размещалось в 2-х селах – Рождествено и Ильинском (Подгорах) и деревнях, названия которых не указаны, но, скорее всего, это были Выползова и Новинки (Новая Подкараульная). Кроме того, названы деревни Ахтулина и Торновая Поляна, исходя из более поздних сведений, заселенные мордвой (но их почему-то называют «чувашскими») [12, стб. 955-956; 17. Оп. 52. Д. 1407, л. 41об.].

Деревня Выползова выросла из починка «на Красном Ерке у Березовой Гривы». Она была основана в конце 1630-х - начале 1640-х гг. крестьянами - выходцами из расположенного рядом с. Подгоры (Ильинского). Исторические данные свидетельствуют, что в конце 1630-х - начале 1640-х гг. появилась д. Шелехметь, основанная мордвой-мокшей, которой, по всей видимости, принадлежит первенство мордовского освоения всей восточной подгорной части Луки.

О направлении миграционного потока на Самарскую Луку сохранились лишь краткие сведения. Очевидно, поселенцы приходили на новые земли значительными группами и длительное время сохраняли контакты со старой родиной. Например, в 1641 г. в д. Новой Подкараульной поселился Федосейка Секерин «прозвище Кадомец», бежавший из митрополичьего Секерина починка в Казанском уезде [14. Приложение, с. 93-94]. После бегства сначала он жил «на Самаре на нагорной стороне в селе Рождественском». Секерин сразу же обзавелся подворьем, что было сложно сделать собственными силами при устройстве на новом месте. Видимо, в деревне имелись запустевшие дворы, куда монастырские власти и размещали переселенцев. В переписной книге Самарского уезда 1646/47 г. по д. Новой Подкараульной встречается уже 4 двора Секериных [18. Оп. 1. Д. 6468, л. 43об.-45об.]. Не прерывалась (по крайней мере, до середины 1640-х гг.) и начатая в конце 1620-х гг. традиция бегства крестьян на Луку из вотчин Троице-Сергиева монастыря в Алатырском уезде.

В «отказных» книгах П. Загряжского 1641/42 г. приводятся размеры земельных угодий монастырской вотчины. Всего крестьяне обрабатывали 248

(далее везде подразумевается «в 1 поле») четв. пашни «средней земли». Кроме того, имелось перелога, дикого леса, зарослей и дубров 2954 четв. с осьминой. Таким образом, площадь всей земли, пригодной для земледелия, составляла 3203 четв. Сенных покосов в вотчине насчитывалось «по лугам, и меж гор, и в займищах» 31760 копен. Лесные угодья «черного лесу непашенного, и рамени, и бору» по горам и меж пашен размещались на пространстве «29 на 17 верст». Кроме того, к вотчине прилегал так называемый Юрьевский липняк. В границах монастырских владений по Волге и Самаре находились значительные рыболовные угодья [19. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3609, л. 195-195об.; 7. Оп. 1. Д. 67, л. 220; 12, стб. 955-959]. Несколько иные данные о количестве пахотной земли приведены в других выписках из указанных книг [18. Оп. 1. Д. 6468, л. 41об.-42об.]. Позднее, в 1722 г. крестьяне уже дворцовой Рождественской волости определяли границу своих сельскохозяйственных угодий исходя из межей, намеченных еще при Ф. Племянникове. Они писали, что получили земли, сенные покосы, рыбные ловли, леса и прочие угодья с «Козьих Рожек» (одна из вершин Жигулей между Ширяевским и Крестовым оврагами, напротив Царева кургана) «по стрезень рекой Волгой» до «Казачьего зимовья». На южном берегу Самарской Луки с «Казачьего зимовья» межа шла лесом на «Ижбулдину поляну» по «Винному буераку» (Винновскому оврагу) «на старые грани», на «Каменную клетку». С «Каменной клетки» граница переходила через «Винный буерак», продолжалась по левой стороне «Винного буерака» до «Ширяева буерака», далее шла по граням через «Ширяев буерак» с «Виловатой березы» лесом на «Студеный буерак» и на «Хмелевый буерак». Не доходя устья Ширяевского оврага, в районе впадения в него Хмелевого буерака, межа выходила к югу по горам к скале Козьи Рожки. Вся эта территория охватывала Рождественскую низменность и значительную часть Жигулевского нагорья, ограниченного с северо-запада и севера долинами Винновского и Ширяевского оврагов.

Судить о некоторых сторонах быта и традиционной культуры крестьян-поселенцев можно по результатам раскопок крестьянского двора селения Новокараульное (Новинки). В раскопе выявлено 8 сооружений, среди них обнаружены остатки летней печи, над которой, вероятно, была возведена легкая деревянная постройка. Перед печью находилась вымостка из белых известняковых камней, положенных в один ряд. Около печи найдены фрагменты ошлакованной керамики, кости животных и рыб, среди которых есть черепа осетровых. Так же близ печи лежали металлические предметы, 4 глиняные игрушки-свистульки в виде птичек, железная крица, 8 монет, пряжка, бусины. Известно, что летние печи использовались для приготовления пищи, производственных нужд, таких как обжиг керамики, выплавка небольшого количества металла. О таком их использовании говорят находки птичек-свистуллек, среди которых одна заготовка, находки железной крицы.

Во дворе была расчищена дренажная канавка для отвода воды. Выявлены яма со ступенькой, возможно, от бывшего погреба, а также ямки от

столбов. Огромное количество следов действия огня подтверждает данные письменных источников о гибели деревни от пожара [6, с. 269 -288; 5, с. 300].

Первые сведения о появлении постоянных селений в центральной нагорной части Луки относятся к началу 1640-х гг. «В прошлом во 149 году по государеву указу дано им в Самарском уезде в Шелехметских горах на речке Аскуле земли под усадьбу и под пашню, да на той земле дворы поставили и земли распахали и всем построились». Рядом с деревней мордвы при Акульском овраге в 5 верстах в 1640/41 г. возникла еще одна деревня - «Мордва» (видимо, в районе современного с. Мордово). На р. Аскуле поселение просуществовало недолго. В 1645/46 г. самарский воевода В. Горчаков перевел крестьян в более безопасное от татарских набегов место «на конец верхней изголовья Щучья озера», где появилось новое селение Борковка (на месте современного с. Новинки) [9. Карт. 1345. Д. 33, л. 1; 19. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3609, л. 197-197об.]. Переселенцы жаловались, что после поселения у них начались споры о земле: «до той земли государевых крестьян деревни Караульной да мордвы деревни Ахтулина изгоняют, ту их землю околицу пашут и сено косят, потому что, между ними не размежевано и не расписано». И еще одно селение, но уже чувашское, существовало в нагорной части Самарской Луки на так называемом «Большом Чувашском буераке» в первой половине 1640-х гг.- «Чувашская Брусяна» [9. Карт. 1345. Д. 33, л. 1; 19. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3609, л. 197-197об.]. Данные о мордовских и чувашских селениях центральной части Луки свидетельствуют о том, что они не были устойчивыми. Нередко поселенцы снимались всей деревней и переходили на новое место. Причем, такие переходы могли случаться несколько раз.

Интересно, что в одной из челобитных мордва в 1647 г. сообщала, что их переселили за «засеку» и за лес. Таким образом, восточная подгорная низменность была отделена от центральной части Луки обширным лесом, «засекой» и, указанными ранее, караулами.

Первые сведения об освоении Луки самарскими детьми боярскими относятся к началу 1640-х гг. В 1643 г. М. Филитов получил 30 четв. земли в прибрежной части Ширяевской долины [7. Оп. 1. Д. 67, л. 99] и практически сразу же поселил там д. Ширяев Буерак [18. Оп. 1. Д. 6468, л. 63об.-66]. В 1644 г. В. Порецкий на пожалованных в межгорных долинах севера и юга Луки землях (100 четв. и сенные покосы) [7. Оп. 1. Д. 67, л. 188] основал деревни Моркваши и Синовый Буерак [18. Оп. 1. Д. 6468, л. 66об.-67об.].

Таким образом, начавшееся в 1620-е гг. с единичных селений сельское земледельческое и промысловое освоение к середине XVII в. охватило всю Луку. Материалы переписной книги Самарского уезда 1646/47 г. не дают его общей картины в восточной и центральной части полуострова, т.к. они показывают только русские села и деревни [18. Оп. 1. Д. 6468, л. 49-67об.]. Именно поэтому следует отметить особую значимость реконструкции системы расселения по всей совокупности более ранних источников 1620-х – первой половины 1640-х гг.

О планировке ряда селений Луки начала XVII в., их локализации позволяют судить более поздние планы Генерального межевания [20]. Русские крестьяне селились в основном на открытых местах, где можно было заниматься земледелием, мордва и чуваша выбирали межгорные долины и лесные поляны.

Следует отметить, что развитие самаролукского района колонизации (включая и Надеинское Усолье) далеко за пределами основного ареала оседлого расселения на Юго-Востоке не закончилось изучаемым нами периодом и продолжалось вплоть до 80-х гг. XVII в. Изучение расселения в таких локальных, замкнутых территориях позволяет более явственно определить особенности колонизационных и миграционных процессов, происходивших на окраинах Российского государства.

Библиографический список

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т.3.
2. Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2.
3. Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII веке (по писцовым и переписным книгам): дисс. . . . канд. ист. наук. Саранск, 1980.
4. Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1.
5. Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Селение Новинки на Самарской Луке в XVII – начале XIX вв. // Краеведческие записки. Самара, 1996. Выпуск VIII.
6. Зудина В.Н. Археологическое изучение русского селения Новинки (с. Новокараульное Архангельское тож) // Краеведческие записки. Самара, 1996. Выпуск VIII.
7. Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПбИИ РАН). Ф. 38.
8. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 303 I.
9. НИОР РГБ. Ф. 218.
10. Невоструев К. Историческое описание бывших в городе Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей // Классика Самарского краеведения: Антология / Под. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2002.
11. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
12. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1907. Т.15.
13. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и в начале XVIII в. (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
14. Покровский И.М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г.: Церковно-археологическое, историческое экономическое исследование. Казань, 1906.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 281.
16. РГАДА. Ф. 127.
17. РГАДА. Ф. 1239.
18. РГАДА. Ф. 1209.

-
19. РГАДА. Ф. 396.
20. РГАДА. Ф. 1354.
21. Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова П.М. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. Самара, 1995.

*Edward Dubman, Valentina Zudina**

**THE EMERGENCE OF THE LOCAL AREAS OF RURAL SETTLEMENT
IN THE SOUTH-EASTERN PART OF EUROPEAN RUSSIA
IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY**

The authors examine the main features of the occurrence of local areas of rural settlement in the initial period of the mass colonization of forest steppe zone of European Russia. The problems are discussed on the example of Samarskaja Luka, a mountainous and wooded peninsula in the Middle Volga region.

Key words: Russian history of the 17th century; Samarskaja Luka; colonization; state; society; service class people; runaways

ЗЕМСКИЕ УЧАСТКОВЫЕ НАЧАЛЬНИКИ В СИСТЕМЕ ГУБЕРНСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

В статье рассматривается организация, функционирование и эволюция важного элемента системы местного управления России конца XIX – начала XX в. – института земских участковых начальников, в том числе его правовой статус. Исследование основано на материалах губерний Среднего Поволжья (Самарской, Симбирской, Пензенской).

Ключевые слова: история России XIX – начала XX вв.; земский участковый начальник; Среднее Поволжье; губернская администрация; уездное управление.

Статья посвящена изучению создания и дальнейшей эволюции одного из важнейших консервативно-охранительных мероприятий эпохи Александра III – института земских участковых начальников. «Положение о земских участковых начальниках» 12 июля 1889 г. первоначально вводилось на территории 40 губерний европейской России (в дальнейшем – 43), в том числе и на территории губерний Среднего Поволжья. Всего было сформировано 2200 земских участков (в среднем 4-5 на уезд), при этом в состав участков не входили города. В границах своего участка земский начальник обладал обширной административной и судебной властью [4, с.106-121].

Число земских начальников губерний Среднего Поволжья было довольно велико: в Симбирской и Пензенской губерниях было сформировано по 47 земских участков [2, оп.2. д.1652. л.81; 1, оп.1. д.1356. л.262]. На территории Самарской губернии было сформировано 79 земских участков, в том числе на территории Самарского уезда было назначено 10 участков, на территории Бугульминского уезда – 9 участков, Бугурусланского уезда – 13 участков, Бузулукского уезда – 14 участков, Николаевского уезда – 12 участков, Новоузенского уезда – 12 участков, Ставропольского уезда – 10 участков [7, оп.106. д.39. л.4,9об]. Больше всего участков было назначено в Бузулукском и Бугурусланском уездах, меньше всего – в Бугульминском уезде. Количество выделяемых участков находилось в прямой зависимости от размеров уезда и плотности проживающего в нем населения. Среднее число участков на уезд составляло 10-12 участков, что значительно превосходило среднероссийский показатель – 4-5 участков на уезд.

* © Тюрин Вадим Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П.Королева (национальный исследовательский университет), vad.im@inbox.ru, тел. 89171622550

«Положение о земских участковых начальниках» 12 июля 1889 г. предписывало для занятия этой должности определенный имущественный ценз, наличие высшего образования, трехлетний стаж работы в должности или мирового посредника, или мирового судьи, или члена губернского по крестьянским делам присутствия. При недостатке кандидатур мог избираться местный потомственный дворянин со средним или начальным образованием, служивший ранее в военных или гражданских должностях, независимо от стажа, но имущественный ценз для него повышался вдвое [4, с.106-121]. Изучение формулярных списков земских участковых начальников Самарской и Пензенской губерний позволяет сформулировать следующие выводы. Среднее время пребывания в должности составляло примерно 7-9 лет, среднее время руководства отдельным участком – 3-5 лет (как правило, достаточно часто практиковался перевод начальников на соседние участки) [1, оп.1. д.1356; 7, оп.106. д.39].

Предметом ведения земских участковых начальников был надзор за всеми структурами крестьянского общественного управления. Основной функцией земского начальника являлся надзор и контроль над деятельностью крестьянских учреждений, всесторонняя опека не только крестьян, но и всего податного населения, жившего в сельской местности. Прерогативы земского начальника при осуществлении административных и судебно-полицейских функций были очень широки. Он мог подвергнуть телесному наказанию, аресту до 3-х дней, штрафу до 6 рублей, отстранить от должности членов крестьянских учреждений, отменить постановления сельского и волостного сходов, даже навязать им свое решение. Земские участковые начальники были обязаны рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов, земским участковым начальникам предоставлялись заранее списки дел, назначенных на рассмотрение волостным сходом. Приговоры волостных и сельских сходов могли быть предоставлены земским участковым начальником в уездный съезд на рассмотрение, если, на его взгляд, они противоречили Своду законов Российской империи. В обязательном порядке земский участковый начальник предоставлял приговоры волостных и сельских сходов на рассмотрение в уездный съезд, если они касались изменения порядка взимания сборов, а также затрагивали вопросы соединения мелких сельских обществ. Волостные суды отныне назначались земским начальником из предлагаемых сельским обществом кандидатов. Земский начальник мог отменить постановление волостного суда и отстранить судью. Решения земского начальника считались окончательными [4, с.106-121].

Земские участковые начальники ежегодно предоставляли отчеты в уездные съезды. Анализ ведомостей, предоставляемых в уездный съезд земскими участковыми начальниками Самарского уезда Самарской губернии, позволяет сделать вывод о характере и интенсивности их деятельности. В 1893 г. на рассмотрение земских начальников Самарского уезда поступило 389 дел. Всего в уезде работало 10 начальников, таким образом, в среднем приходилось по 40 гражданских дел на начальника в год. При этом

нагрузка отдельных начальников была крайне неравномерной, от 2 дел за год у начальника 3-го участка до 105 дел у начальника 10-го участка. При этом за год по уезду не было решено 40 дел (10%). Показатели деятельности земских начальников в 1902 году претерпели следующие изменения. Общее число дел по уезду увеличилось на 15% и составило 449 ед. (от 8 до 134 на отдельный земский участок). Нерешенными остались 82 дела (18%). Таким образом, мы видим активизацию деятельности участковых начальников и пропорциональное ей увеличение числа нерешенных дел [8, оп.1. д.228а; 8, оп.1. д.764. л.12об,13].

Во многом сильные отклонения от усредненных показателей деятельности на тех или иных участках земских начальников (например, на участках №5, №10 Самарского уезда) объяснялись личностным фактором. Закон предоставлял земскому начальнику обширные полномочия, соответственно энергичные и трудоспособные начальники имели возможность значительно активизировать ход административной работы в своем участке. Подобную деятельность демонстрировали начальники С.Н. Постников, М.Ф. Дурасов, Я.Я. Слободчиков [5].

Таким образом, создание института земских участковых начальников следует считать типичным воплощением политики государственного патернализма, распространенной на крестьянство. Осуществленная реформа была тщательно подготовлена и прошла без серьезных осложнений; она предоставила земским начальникам обширнейшие полномочия, что крестьянское общество встретило вполне спокойно.

Рассмотрим эволюцию должности в годы Первой мировой войны. Функционирование земских участковых начальников находилось в ведении уездных съездов и губернского присутствия. В годы войны надзорная функция двух этих учреждений над земскими начальниками ослабевала, главным образом по причине их загруженности разнообразными заботами военного времени. Например, непременные члены присутствий вошли в состав многочисленных новых учреждений военного времени (по закупке хлеба, по снабжению армии). В апреле 1915 г. Самарское губернское присутствие сообщило о невозможности проведения ревизии подведомственных уездных учреждений [5, с.68]. Впрочем, по воспоминаниям бывшего земского начальника, а в дальнейшем губернского предводителя дворянства А.Н. Наумова, подобные ревизии были редкими и в мирное время, касались исключительно формальной стороны дела и правильности ведения делопроизводства. Иными словами, реальная контролирующая власть над земскими начальниками со стороны губернской администрации в годы войны была достаточно слабой. При этом в уезде была сильна и дворянская корпоративность, что выражалось в нежелании уездных властей в лице предводителя дворянства ревностно изобличать служебные нарушения уездных чиновников-дворян.

С началом Первой мировой войны круг обязанностей земских участковых начальников значительно увеличился, фактически на них было возложено содействие губернским властям и земским учреждениям в вопросах

снабжения армии, устройства беженцев, осуществления продовольственной повинности. Важным направлением деятельности явилась помощь податным инспекторам во взимании недоимок. С каждым годом войны эта проблема становилась все острее, в 1915 году не менее половины крестьянских хозяйств задерживали взносы в общественные продовольственные капиталы [5, с.69].

Губернаторы Среднего Поволжья настойчиво требовали от земских начальников ведения разъяснительной работы с должниками, но проблема практически не имела разрешения, так как значительная часть долгов числилась за семьями, чьи кормильцы ушли на фронт [6, с.7-17]. Новым направлением деятельности земских начальников стало пресечение незаконной продажи алкоголя в связи с введением в Российской империи «сухого закона» [8, ф.4. оп.1. д.1055]. С другой стороны, ряд обязанностей мирного времени у земских начальников был сокращен: так, с началом войны были полностью приостановлены работы по землеустройству [8, оп.1. д.995].

Значительное количество времени и внимания земского начальника занимала необходимость подготовки многочисленных отчетов и доставления сведений, хотя этот вид деятельности для российского чиновника был типичным и каждодневным. Всего земские начальники должны были предоставлять более сотни различных отчетов в год. Кроме того, ежемесячно было необходимо предоставить губернатору сведения о поступлении окладных сборов, об урожае, о взыскании задолженностей, о платежах крестьянскому поземельному банку, о решениях волостных судов. Во многом объем этих сведений был необходим центральному аппарату МВД для выработки мер в области аграрной политики. Делопроизводственная обремененность усугублялась и еще одним фактором – в начале XX в. Российская империя демонстрировала стремительный естественный прирост населения, соответственно, увеличивалось число населения в земских участках, а количество их оставалось прежним.

Серьезной проблемой функционирования института земских начальников явился призыв этих чиновников на фронт, так как немалая их часть была кадровыми военными и попадала под мобилизацию. Соответственно, кадровый голод и резкое возрастание объема обязанностей еще более усугубляли паралич власть в уездных структурах управления. Стремительно росло число нерешенных дел: к 1916 г. оно доходило в губерниях Среднего Поволжья до 50-60% от всего делопроизводства [3, оп.3, д.488, л.29-48].

В 1916 г., в условиях стремительного роста цен, МВД планировало увеличить содержание земских начальников за счет сокращения числа участков. Но эта идея встретила существенное сопротивление со стороны уездного чиновничества. В докладных записках с мест по этому вопросу сообщалось, что земский начальник уже обременен должностными обязанностями сверх меры, в том числе по причине значительной нехватки кандидатов на эту должность. Большинство земских начальников было вынуждено вести работу и на соседних участках, где место было вакантным, в таком случае объединение участков могло только ухудшить ситуацию.

В условиях продолжающегося призыва уездного дворянства на военную службу серьезной проблемой являлась нехватка в уезде лиц, обладающих законным образовательным и сословным цензом для занятия должности участкового начальника. В конце 1916 г. Симбирский губернатор А.С. Ключарев докладывал, что из 47 земских начальников губернии непризванными осталось только 17 [2, оп.1. д.1217. л.3об]. Иными словами, кадровое наполнение должности земского начальника в годы войны было катастрофическим, немногочисленное местное дворянство, имеющее высшее образование, не выражало желания служить на столь хлопотной должности, обремененной заботами военного времени. Кроме того, явно недостаточным был размер жалования. В итоге, к 1917 г. число земских участков, не имеющих начальника, в Среднем Поволжье составляло не менее половины, при этом зачастую губернатор «закрывал глаза» на требование ценза высшего образования и опыта работы на административных должностях и даже назначал исполняющим обязанности начальника лиц не дворянского сословия.

Таким образом, функционирование института земских участковых начальников явилось типичным примером кризиса власти на последнем этапе существования Российской империи. Системный кризис проявился в проблемах кадрового и материального обеспечения этой должности, при этом в годы Первой мировой войны значительно возрос круг обязанностей и объем делопроизводства участкового начальника. Однако несомненным является тот факт, что земские начальники оставались важнейшим элементом патерналистской системы местного управления, эффективно связывая уездную крестьянскую Россию с губернским и центральным властным аппаратом.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.53.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.76.
3. ГАУО. Ф.476.
4. Положение о земских участковых начальниках. Ст. 2-5 // Свод законов Российской империи / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Т. IX. Положение о сельском состоянии. Кн.3.
5. Старков Д.А. Местное административное управление в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны, август 1914 – февраль 1917. (Пензенская, Самарская, Симбирская губернии): дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2008.
6. Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX – XX вв. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. 202 с.
7. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.3.
8. ЦГАСО. Ф.4.

Vadim Tyurin*

**LAND CAPTAINS IN THE SYSTEM OF LOCAL ADMINISTRATION IN RUSSIA
IN THE LATE XIX – THE EARLY XX CENTURY**

The article deals with the legal status, functioning and evolution of an important element of the local administrative system in Russia in the late XIX – the early XX century: the institute of land captains. The study is based on the historical data from three Middle Volga provinces (Samara, Simbirsk, Penza).

Key words: Russian history of the late 19th – the early 20th centuries; land captains, Middle Volga region, provincial administration, district administration.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР И ЛИБЕРАЛЫ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье анализируется отношение либералов к террору накануне Первой российской революции. Рассматриваются их тактические приемы. Делается вывод о том, что многие либералы были сторонниками применения политического террора против власти.

Ключевые слова: история России; революция 1905-1907 гг.; террор, либерализм, тактика

В начале XX в. индивидуальный политический террор в России стал массовым явлением. Его жертвами, по утверждению А. Гейфман, «с 1901 по 1911 гг. стали около 17 тысяч человек, причем пик террора пришелся на 1905-1907 гг., когда было убито и ранено более 9 тысяч человек, в большинстве своем – сотрудники государственного аппарата» [5, с. 31-33].

Власть воспринималась интеллигенцией, в том числе и либерально настроенной, как «воплощение абсолютного зла», поэтому, как отмечает М.И. Леонов, «убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей было обусловлено убежденностью в бесчеловечности существующего строя» [9, с. 178]. Постепенно общество привыкало к постоянным террористическим актам и политическим убийствам. Терроризм, по выражению О.В. Будницкого, «своеобразно и идейно “воспитывал” русское общество» [1, с. 354].

Большинство российских либералов, хотя никогда и не участвовало лично в террористической борьбе, но живо интересовалось ею, задумывалось о ее целесообразности, видело ее внутреннюю логику и стремилось использовать революционное насилие в своих политических целях. При этом постоянно сохранялось противоречие между идеологией терроризма и курсом на либеральные реформы, и либералам приходилось как-то решать для себя эту постоянную дилемму.

В январе 1900 г. скончался известный теоретик русского революционно-народничества П.Л. Лавров. В Петербургском Горном институте было организовано тайное собрание, посвященное его памяти. К П.Н. Милюкову обратились с просьбой председательствовать на этом собрании и выступить с поминальным словом. В своей речи он выделил два течения в революционном народничестве: лавристов (настаивавших на необходимости

* © Пазин Роман Викторович, аспирант кафедры Российской истории, Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П.Королева (национальный исследовательский университет), e-mail: PazinRV@yandex.ru, телефон: 8-937-189-06-81.

подготовки в России крестьянской революции путем развития научной мысли в интеллигенции и пропаганды социалистических идей народе) и бакунистов (проповедовавших идею немедленного бунта и революционного переворота). Закономерным было, по его убеждению, превращение идилического «хождения в народ» под ударами правительства в конспиративное движение, поставившее своей задачей террор против носителей высшей политической власти [7, с. 198]. Свой анализ Милюков заключил категорическим выводом: всякая динамика революционного движения, не приводящего к цели, кончается террором. «Мои слушатели, - писал он в мемуарах, - немедленно поставили вопрос, в какой же стадии мы находимся теперь, и из моего исторического изложения сделали практический вывод» [12, с. 139]. Милюков вспоминал, что «на аудиторию все это произвело то впечатление, которое потом не раз подчеркивал мне Борис Савинков, бывший тогда студентом и находившийся среди присутствующих. “Я собственнно ваш ученик”, - говорил он мне полушутя, полусерьезно, - и напомнил мне мой анализ, превратившийся в пророчество» [12, с. 139].

Основной задачей освободительного движения было свержение абсолютной монархии в России. Те, кто объединился под знаменем этого движения, в отличие от земских кругов, совсем не желали преодоления разрыва между представителями правительства и общества. Они совершенно не стремились восстановить обоюдное доверие, согласие и сотрудничество между государственной властью и общественностью.

Конфликт между умеренным земством и самодержавием назрел со вступлением на трон в 1894 г. Николая II. При вступлении на престол новый император получил многочисленные обращения от земств, большинство из них с выражением почтения и лояльности. Но некоторые убеждали его привлечь земства для консультаций с правительственными органами. 17 января 1895 г. он ответил на подобные просьбы следующим образом: «... мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель» [2, с. 264].

Своими необдуманноими словами Николай II «объявил войну» умеренным элементам российского общества. Это была серьезная ошибка, допущенная властью в конце XIX в., поскольку, отказывая умеренным, она толкала их в объятия радикалов. Неизбежный результат этого очевиден не только по прошествии времени, он был предсказан П.Б. Струве в открытом анонимном письме царю, написанном сразу же после речи царя, вошедшей в историю как речь о «бессмысленных мечтаниях»: «Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя со всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном действии якобы временного положения об усиленной охране, – дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или

позже, но во всяком случае в недалеком будущем падет под напором живых общественных сил» [2, с. 266].

Земское движение с этого момента расколосось: большинство пришло к выводу, что, кроме конституции, ничто не спасет Россию или от полной деградации, или от губительного общественного переворота, в то время как меньшинство осталось верным старой либерально-консервативной позиции.

В 1902 г. в Германии начал выходить журнал «Освобождение» под редакцией П.Б. Струве. Два года спустя его сторонники сформировали в Швейцарии коалицию конституционалистов под названием «Союз освобождения». Его российские отделения поведут политическую борьбу, которая достигнет высшей точки в революции 1905 года [17, с. 213]. Этим было конституировано освободительное движение, которое определило свое направление и получило свое организационное оформление. Вступая в борьбу с правительством, оно роднилось со всеми, кто с ним тоже «воевал», хотя и несколькими другими приемами. Граница между эволюцией и революцией все больше размывалась.

Струве был убежден, что самодержавный режим доживает отпущенное ему время, что на самом деле Россия представляет уже не подлинное самодержавие, а полицейское государство, управляющееся «всесторонним наблюдением, негласно осуществляемым на основании тайных инструкций и циркуляров» [15, №20-21, с. 357]. Как только полиция перестанет выполнять свои функции, фиктивное «самодержавие» погибнет. Единственный путь избежать гибели — это реформы: «Мы нисколько не сомневаемся в том, что если правительство не станет на путь коренных политических и экономических реформ, то в России рано или поздно произойдет революция», — писал он в 1902 году [14, №7, с. 102].

В то время Струве все еще благожелательно относился к левым радикалам — вплоть до того, что одобрял террор социалистов-революционеров в ответ, как он говорил, на «правительственный террор» [14, №1, с. 14], — об этом впоследствии он будет сильно сожалеть. Но в 1902 г. убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина воспринималось как «заслуженная кара», а С.В. Балмашев заявлял, что «так поступают с врагами народа» [4, оп. 3, д. 50, л. 33-33об].

Осенью 1902 г. на страницах «Освобождения» развернулась полемика между двумя авторами: Я.Я. Гуревичем и В.И. Вагиным (соответственно под псевдонимами «Земский гласный Т» и «Гласный») [11, с. 294, 393], отражавшая две тенденции в земском либеральном движении. Одна призывала обратиться к новым методам борьбы против самодержавия, не ограничивать себя рамками легальности и «не бояться грозного облика революционера». Другая настаивала на прежней умеренной тактике, предлагая выжидать, пока император не осознает необходимости поставить земцев во главу государственного управления, а в случае, если в стране все же произойдет революция, быть готовыми принять власть на себя [14, №12]. Даже такие осторожные либералы, как граф П.А. Гейден, высказываются резко про-

тив самодержавия. В мае 1902 г. на одном из заседаний кружка «Беседа» он говорил: «Самодержавие также несовместимо со свободой, как солнце с ночью... Самодержавие есть путь к революции» [цит. по: 20, с. 117].

Российские либералы, в отличие от всех прочих радикальных оппозиционеров, никогда напрямую не принимали участия в террористической деятельности. Тем не менее, даже либеральная общественность в целом склонялась на сторону революционеров. Поддерживая боевиков, либералы руководствовались не только ненавистью к правительству, но и стремлением извлечь из террора политическую выгоду.

В №52 «Освобождения» за 1904 г. Милюков опубликовал статью под названием «Очередные задачи русских конституционалистов». Он решительным образом протестовал против статьи «Освобождения», призывавшей к свертыванию оппозиционной борьбы и переходу в «пассивное положение» для создания «государственного общественного мнения». Милюков полагал, что подобные настроения не соответствуют важности исторического момента и что «преступно тащиться в хвосте событий». В реальной политической жизни он считал невозможным отгораживаться от других оппозиционных и даже революционных течений. «Мы не думаем, – писал он, – призывать русских конституционалистов к “террору” и вместе с автором надеемся, что... организованное мнение интеллигенции останется чуждо “классовой борьбе”, но мы не можем не признать, что лишь активная борьба, какова бы она ни была по своим формам, расчищает дорогу той группе, которая готовится эксплуатировать победу от имени “государственного” общественного мнения» [16, №52, с. 36-39]. П.Н. Милюков в условиях русско-японской войны призывал читателей журнала «Освобождение» остаться «верным старой “народной поговорке” - Долой самодержавие!». Происходило нарастание, по мере неудачного хода военных действий, пораженческих настроений в либеральной среде, доходивших порой до позиции «чем хуже, тем лучше». При этом имелось в виду, что ослабевшее самодержавие дарует демократические реформы и поделится властью с либералами [20, с. 212-222].

«Союз освобождения», объединявший многих будущих кадетов, изначально разделял задачу террористов – «уничтожить разбойничью шайку, которая узурпировала государственную власть» [5, с. 289]. Неудивительно, что первые политические убийства, совершенные Боевой организацией эсеров, освобожденцы встретили с энтузиазмом.

Все же публично либералы высказывались осторожно, но даже в передовице «Освобождения» после убийства В.К. Плеве сквозила сдержанная радость, а прозвучавший взрыв называли благотворным для России [16, №59, с. 2]. За некоторое время до убийства В.К. Плеве другой известный либерал и член «Союза освобождения», князь Д.И. Шаховской, который вскоре вошел в кадетский ЦК и стал, кроме того, секретарем I Думы, все повторял в одном дружеском разговоре: «Плеве надо убить... Плеве пора убить» [19, с. 166]. Поэтому известие об убийстве Плеве «вызвало в доме редактора “Освобождения” П.Б. Струве такое радостное ликование, точно это было известие о победе над врагом» [19, с. 176].

К моменту гибели Плеве стал уже предметом всеобщей ненависти. Консервативный либерал Д.Н. Шипов вспоминал, что ему новость о гибели Плеве пришла по почте: «письмо врача, сообщившего эту весть, дышало как бы радостью, и он, по-видимому, спешил приветствовать меня, предполагая очевидно, что и я разделяю его отношение к событию» [22, с. 238]. Но большинство либералов клеймило позором за это убийство не террористов, а правительство. «Не горсть смельчаков, идущих на верную смерть, физическими своими ударами разит самодержавие в лице его сановников, – писал сразу после гибели Плеве П.Б. Струве. – Самодержавие разит та политическая атмосфера, которая неизбежно рождает этих убийц, и тот морально-политический резонанс, который их акты находят в стране. Чувство радости и удовлетворения, охватывающее русское общество при известии об убийствах вершащих его судьбы сановников, конечно, указывает на глубокую ненормальность во всем положении общества и народа» [16, №52, с. 33-36]. Струве выражал тревогу, что террористическая система опирается на ненависть масс к властям. Хотя при всех этих опасениях сам с радостью встретил убийство министра внутренних дел.

Многие либералы признавали политическую целесообразность убийств. П.Д. Долгоруков, будущий член ЦК кадетов, уверял, что «потепление» во внутренней политике при Святополк-Мирском обеспечено убийством Плеве. Можно отметить близость восприятия либералами и социалистами террористов как героев. Не случайно, что эсеры говорили о Егоре Сазонове как о «казнившем зверя в образе человеческом Плеве». Также и С.П. Миклашевский из «Союза освобождения» открыто называл его примером для подражания, а П.Н. Милюков говорил, что Иван Каляев принес жертву на благо русского народа [4, оп. 3, д. 50, л. 49].

Не имея возможности бороться с самодержавием напрямую, многие либералы оказывали посильную помощь террористам: предоставляли им свои дома в качестве убежищ [3, с. 137], участвовали в сборе средств для финансирования Боевой организации эсеров [5, с. 291] и т.д. Например, брат Д.И. Шаховского, Сергей Иванович, устроил у себя склад револьверов для повстанцев и прятал их в огромной пустой голове алебастрового Аполлона, украшавшего московскую квартиру князя [8, с. 191]. «Московские ведомости» выдвигали версию, что без финансирования либералами деятельность боевой революционной организации была бы невозможной. Издание предлагало искать сторонников террора в либеральных слоях общества, которые желают реформ и руками террористов добиваются для себя уступок [13, 22 июля, с. 2].

Даже те из либералов, кто ставил под сомнение политическую выгоду терактов, признавали вынужденный характер российского террора. «Можно отрицать целесообразность политических убийств, крайне редко приносящих действительную пользу», но нельзя отрицать, что террор – дело вынужденное, писал либеральный публицист К.К. Арсеньев. «Виселице отвечает револьвер или бомба», – указывал он [цит. по: 6, с. 35].

Позже Струве и другие либералы поменяют свое отношение к террору, поскольку стало очевидно, что для радикалов террор был способом жизни

и направлен он был не столько против власти, сколько против легального политического развития. Но в той напряженной обстановке, когда политика стала делом любого обывателя, террористы вызывали широкое восхищение, как борцы за свободу. Наверное, не случайно писатель Л.Н. Андреев призывал хранить вечную память о «погибших борцах за свободу», которые «своей неустанной работой, своими смертями и кровью, подточили трон Романовых» [4, оп. 3, д. 50, л. 218].

В начале октября 1904 г. земские лидеры, по утверждению историка К.А. Соловьева, не чувствовали себя слишком уверенно: «прежде всего, они пока не верили в возможность широкой поддержки радикальных политических требований в земской среде» [18, с. 195]. Но все же земцы относились к представителям интеллигенции «с преувеличенным почтением и жадно впитывали ее взгляды и настроения» [8, с. 165].

По утверждению Д.И. Шаховского, земская среда была слишком консервативна, чтобы сыграть какую-либо роль, «на нее надо сильно давить извне, раскачивать ее». От общих рассуждений о необходимости изменения политического строя России новому рупору либералов надо перейти к его резкой критике. «Одна из первых задач такого органа как “Освобождение”, – отмечал Шаховской, – дискредитировать правительство. И это не какая-нибудь второстепенная задача, нет, это дело огромной важности, перво-степенного политического значения» [цит. по: 8, с. 172]. «Всякие уступки и колебания губительны для существующего режима: он держится и может еще некоторое время держаться только насилием, внушающим страх», – писал другой либерал, П.Д. Долгоруков, в октябре 1904 г. в своей статье «Исторический урок» на страницах «Освобождения» [16, №57, с. 118]

Земский съезд 6-9 ноября 1904 г. не предлагал, а именно требовал у власти принятия конституции, создания законодательного органа власти, отмены положения об усиленной охране, прекращения административных репрессий и проведения амнистии «по отношению к лицам, подвергшимся преследованиям и наказаниям по политическим делам» [21, с. 106]. Более того, большинство участников земского съезда отказались принимать предложение А.И. Гучкова о том, что вместе с предложением отменить смертную казнь необходимо «осудить всякие насилия и убийства как средство политической борьбы». Председательствующий на съезде Муромцев заявил отвод этому предложению, поскольку оно «выходит за пределы компетенции съезда» [10, с. 263].

Таким образом, с ноября 1904 г. происходила политическая «поляризация» общества. Земские и дворянские собрания раскалываются надвое: одни поддерживают решения ноябрьского съезда, другие – нет.

Примерно в это же время (с 20 ноября 1904 г.) после ноябрьского земского съезда по инициативе «Союза освобождения» в стране развернулась широкая «банкетная» кампания. Всего до начала революции, по сведениям департамента полиции, в 34 городах России произошло более 120 собраний. По подсчетам К.Ф. Шацилло, в них приняли участие около 50 тыс. человек [20, с. 294].

Большинство земских деятелей постепенно присоединилось к сторонникам «политического радикализма», то есть к «Союзу Освобождения». Консервативные либералы, которые, как, например, Д.Н. Шипов, не хотели терять надежды, что «государственная власть добровольно откажется от пагубной политики недоверия и преследования свободного проявления личной и общественной жизни» [22, с. 214], стали также меньшинством и среди представителей земской общественности. Стоит отметить, что Шипов был бесспорным лидером консервативного крыла земского движения, его уважали даже те, кто с ним не соглашался. Раскол в либеральном движении привел к тому, что позже большая его часть присоединилась к кадетам, а меньшая – к «Союзу 17 октября» [17, с. 219].

Тема «безоговорочной капитуляции» правительства достаточно подробно обсуждалась на страницах либеральной прессы на протяжении всего периода, когда Святополк-Мирский был министром внутренних дел. По словам князя П.Д. Долгорукого, будущего члена кадетского Центрального комитета и депутата I Государственной Думы, «политическая весна» П.Д. Святополк-Мирского была обязана своим существованием бомбе, которая в июле 1904 г. убила министра внутренних дел В.К. Плеве [цит. по: 23, с. 83]. Милюков в двух своих напечатанных в «Освобождении» статьях – «Новый курс» и «Фиаско нового курса», – как и Струве, отверг возможность перемирия с правительством. Его девиз был: либо все, либо ничего – либо конституция, либо война с правительством. И речи не могло идти ни о какой «промежуточной позиции» между самодержавием и оппозицией [16, №57, с. 113-114; №60, с. 161-162].

Таким образом, либеральная интеллигенция в начале XX в. смогла сформировать в российском обществе терпимое отношение к революционному террору. Сами теракты, скорее всего, не имели бы такого резонанса в обществе, если бы не его поддержка «демократическими» либералами. Чем больше сочувствия со стороны общества встречали террористы, тем больше терактов они совершали. Также стоит отметить, что накануне Первой российской революции значительная часть либеральных земских деятелей стала разделять позицию «Союза освобождения» по вопросу об оправдании террора. Либералы надеялись, что теракты социалистов заставят власть пойти на уступки.

Библиографический список

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 400 с.
2. Бурцев В. За сто лет: 1800-1896. Сборник по истории политических и общественных движений в России. Т.1. Лондон, 1897. 459 с.
3. Вагнер-Дзвонкевич Е.Н. Покушение на начальника киевской охранки полковника Спиридовича // Каторга и ссылка. 1924. №12.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523.
5. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.
6. Гусев К.В. Рыцари террора. М.: Луч, 1992. 144 с.

7. Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М.: Институт российской истории, 1993. 240 с.
8. Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской. Путь русского либерала. М.: Молодая гвардия, 2008. 363 с.
9. Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2007. №5/3 (55). С. 175-186.
10. Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля - 2 июня 1907 г. М.: Центрполиграф, 2006. 335 с.
11. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 1. М.: Всесоюз. кн. палата, 1956. 442 с.
12. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. 438 с.
13. Московские ведомости. 1904.
14. Освобождение. 1902.
15. Освобождение. 1903.
16. Освобождение. 1904.
17. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. 249 с.
18. Соловьев К.А. Кружок Беседа. В поисках новой политической реальности. 1899-1905. М.: РОССПЭН, 2009. 288 с.
19. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М.: Слово, 1998. 559 с.
20. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. М.: Наука, 1985. 346 с.
21. Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М.: Премьер Пресс, 2007. 256 с.
22. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. 592 с.
23. Piha Th. A Russian European: Paul Miliukov in Russian politics. London: University of Notre Dame Press, 1969. 373 p.

Roman Pazin

POLITICAL TERROR AND LIBERALS ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

The article is devoted to the attitude of Russian liberals toward political terror and their tactics on the eve of the revolution of 1905–1907. The author comes to the conclusion that many liberals approved and morally supported the use of political terror against the power.

Key words: Russian history; Russian revolution of 1905–1907; terror; liberalism; tactics.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930

П.С. Кабытов, Н.А. Федорова*

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ КАЗАНСКИХ ИСТОРИКОВ

В 2012 г. увидели свет две публикации, посвященные жизни и многогранной деятельности Евгения Ивановича Устюжанина. Это имя знакомо не одному поколению казанских историков. Многие знали его лично, учились у него, вместе с ним работали. Еще больше сегодня найдется тех, кто знает его опосредованно – по его научным трудам, по воспоминаниям старших коллег. Одно можно сказать с абсолютной уверенностью – личность и труды Е.И.Устюжанина не оставили равнодушным никого, кому довелось хоть раз к ним прикоснуться.

Первая публикация представляет собой стенограмму торжественного расширенного заседания кафедры истории России Казанского государственного педагогического университета (КГПУ), посвященного 100-летию своего заведующего, Заслуженного деятеля науки ТАССР Е.И.Устюжанина [3]. Заседание состоялось 14 декабря 2002 г. Оно собрало историков – учеников и коллег, школьных и вузовских преподавателей, работников музеев – лично знавших Е.И.Устюжанина. Сегодня эта публикация приобретает особое значение, поскольку многих выступавших на том памятном заседании уже нет среди живых. Ответом на решение, принятое кафедрой и поддержанное сообществом историков 14 декабря 2002 г., явилось издание книги Т.П. Крашенинниковой и О.В.Синицына, приуроченное к 110-й годовщине со дня рождения Е.И.Устюжанина [2]. Связующим звеном между этими публикациями можно считать участие в обоих А.Л.Литвина, который поделился своими воспоминаниями о старшем коллеге на заседании кафедры и написал «Предисловие» к книге очерков жизни и деятельности Е.И.Устюжанина.

Публикация материалов расширенного заседания кафедры истории России КГПУ связана со сложностью расшифровки и литературной обработки

* © Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой Российской истории, Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П.Королева (национальный исследовательский университет), E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru тел. +79033028825

Федорова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: nfjodoro@yandex.ru тел:8917287316

видеозаписи. Устная речь человека насыщена словами, более передающими эмоциональный, чем содержательный смысл высказывания, она интонирована. Дословное переложение ее на бумагу затрудняет чтение. При этом важно было сохранить индивидуальный стиль выступления каждого, кто принимал участие в заседании, делился своими воспоминаниями, анализировал факты научной биографии Е.И.Устюжанина. Все это потребовало времени и кропотливого труда преподавателя кафедры доцента Г.М.Мустафиной.

То расширенное заседание кафедры истории России КГПУ прошло не формально (о чем свидетельствует Н.А.Федорова, лично присутствовавшая на этом мероприятии). В нем приняли участие историки разных поколений, разных научных школ, разного профессионального опыта. Материалы, опубликованные в Ученых записках КГПУ, воссоздают очень интересные и разнообразные сюжеты, передают то впечатление, которое оставило в душах собравшихся общение с Е.И.Устюжаниным. Они воссоздают атмосферу, в которой ему приходилось работать в Казани, рассказывают о людях, его окружавших, создают эмоциональный фон эпохи. В этом плане данная публикация служит необходимым дополнением к книге Т.П.Крашенинниковой и О.В. Сеницына, более соответствующей стилю аналитического научного издания [2].

Исследование Т.П.Крашенинниковой и О.В. Сеницына – первая попытка создать научную биографию Е.И.Устюжанина. Надо отдать должное авторам, собравшим и проанализировавшим значительный источниковый и биобиблиографический материал. Они смогли установить контакты с потомками казанского историка, живущими в Москве, познакомиться с их личными архивами. Книга неплохо иллюстрирована фотографиями как самого Е.И.Устюжанина разных лет, так и его родных. Историческая память передается не всегда достоверно. Сведения, полученные от сына и внуков, интересны, они, несомненно, мифологичны и в этом их прелесть. Историк склонен опираться на архивные материалы, при этом отдавая себе отчет, что любой документ субъективен и отражает не саму историческую реальность, а чье-то представление о ней. Объективизировать субъективное – задача источниковедческого анализа.

Т.П.Крашенинниковой и О.В.Сеницыну удалось по документам проследить путь Е.И.Устюжанина в науку в сложнейших революционных условиях. Тяга его к знаниям была столь велика, что буквально помогала выживать и в период учебы в Семипалатинском педтехникуме, и в педагогическом институте в Ленинграде. Очень хорошо реконструирована авторами повседневная жизнь советского студента 1920-х гг. С особым вниманием ими прописаны жизненные перипетии Е.И.Устюжанина, связанные с необходимостью получить новый социальный статус. Эти социальные практики молодого историка очень важны для понимания его научных интересов, его будущей исследовательской проблематики.

К несомненным удачам работы Т.П.Крашенинниковой и О.В.Сеницына надо отнести их внимание к историческим реалиям профессиональной

деятельности Е.И.Устюжанина. С 1935 по 1966 гг. его жизнь была связана с Казанью, с педагогическим институтом и университетом. Очень подробно в книге прописана его работа в педагогическом институте. Здесь буквально воссоздана повседневная практика кафедральной жизни на широком историческом фоне. Показаны трудности становления исторического образования в Казани – нехватка кадров преподавателей, научно-исследовательской литературы и методического обеспечения учебного процесса. Особое внимание уделено 1947-1966 гг. – периоду, когда Е.И.Устюжанин заведовал кафедрой истории СССР КГПИ. Авторами даны портретные зарисовки преподавателей кафедры, охарактеризована их учебная нагрузка и высказана оценка их педагогической деятельности. Особое внимание уделено оказанию методической и научной помощи молодым вузовским преподавателям и школьным учителям Татарстана.

Несмотря на свою доброжелательность, искрометный юмор, Е.И.Устюжанин был достаточно закрытым человеком. Это помнят все, кто с ним общался. Было ли это связано с особенностями его характера или обстоятельствами тотальной слежки, которые формировали его как историка, сегодня сказать с определенностью никто не сможет. Так, он почти никогда не делился своими воспоминаниями, редко говорил о своем участии в Великой Отечественной войне. Он сознательно умалчивал об этом этапе своей жизни, и только иногда прорывались краткие сведения, которые так или иначе были связаны с его болезнью. Не удалось эту закрытую сторону его службы осветить и авторам книги о нем. Очень скупо говорится об особенностях его службы в контрразведке, в СМЕРШе. Думается, причина этого объективная и связана с общей закрытостью этой информации.

Ни административная, ни исследовательская деятельность не приносили Е.И.Устюжанину такого внутреннего удовлетворения, как педагогический труд – работа со студентами и аспирантами. П.С.Кабытов учился у Евгения Ивановича в Казанском университете, посещал его лекции и может лично подтвердить, что лекции, несмотря на почтенный возраст, он «читал великолепно, только к концу каждой по его лицу начинали сбегать струйки пота» [1, с.99]. В конце учебного года, в мае создавалась такая ситуация, когда на его лекцию приходило по 2-3 студента. Он не обращал на это внимания. Для него важно было, что на занятия приходили те, кто пытался получить интересную информацию, кто хотел учиться.

В меньшей степени авторам «Очерков» удалось показать вклад Е.И.Устюжанина в историографию: в изучение исторических проблем России, Среднего Поволжья и истории Татарстана. В книге отсутствует современная оценка научного наследия Е.И.Устюжанина. В материалах расширенного заседания кафедры истории России А.М.Заялов прямо указал, что Е.И.Устюжанин может считаться основателем аграрной школы историков Поволжья (к которой относимся и мы, авторы этой статьи). Зато по прочтении работы Т.П.Крашенинниковой и О.В.Синицына становится понятно, почему Е.И.Устюжанин разочаровался в колхозной проблематике и не стал

писать докторскую диссертацию, воспевающую преимущества колхозного строя. И дело здесь было не только в проблематике, не только в предопределенности исследовательских выводов. Он прекрасно понимал, что в науке остается Имя ученого, а не его степени и звания. Свое Имя он не хотел ронять в глазах потомков. Его знаменитая шутка о том, что в его портфеле находится не докторская, а «Краковская», передавалась из поколения в поколение. Надо сказать, что по своей сути он являлся связующим звеном между старой генерацией историков с дореволюционным образованием и немарксистской идеологией и поколением советских историков, долгие годы стоявших на единой теоретической платформе.

Надо с сожалением отметить, что в книге практически не освещена деятельность Е.И.Устюжанина в Казанском университете. Она может быть реконструирована как на основе архивных фондов, так и путем обращения к воспоминаниям преподавателей и выпускников Казанского университета. Воспоминания о Евгении Ивановиче Устюжанине оставили его ученики и коллеги. Посвященные ему страницы можно найти в мемуарах Г.Н.Вульфсона, Н.П.Мунькова, А.Л.Литвина, П.С.Кабытова. Думается, что еще появятся исследования историографического плана, где будет дана оценка его вклада в историческую науку и краеведение. Но нам в заключение хочется поддержать замысел авторов издать сборник документов – личный архив историка. Это позволило бы в какой-то мере самому Е.И.Устюжанину рассказать о себе, раскрыло бы его творческую лабораторию. Это было бы не только познавательно в научном плане, но могло бы иметь значение для профессионального формирования будущих историков – ученых и педагогов.

Библиографический список

1. Кабытов П.С. Судьба-эпоха: автобиография историка. М.: Кучково поле, 2011. 352 с.
2. Крашенникова Т.П., Сеницын О.В. Евгений Иванович Устюжанин (1902-1968). Очерки жизни и деятельности. Казань: Астория, 2012. 98 с.
3. Проблемы истории и археологии Татарстана. Вып.3. Казань, 2012. С.217-237.

**РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: КАБЫТОВ П.С., ДУБМАН Э.Л. С.Ф. ПЛАТОНОВ И САМАРА:
ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ: МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ. САМАРА: ИЗДАТЕЛЬСТВО
«САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ», 2015. 90 С. 40 ИЛЛ.**

Книга известных самарских историков — заслуженного деятеля науки РФ, доктора исторических наук, профессора П.С. Кабытова и доктора исторических наук, профессора Э.Л. Дубмана — о выдающемся русском историке Сергее Федоровиче Платонове, сосланном в Самару по «Делу Академии наук», выделяется среди серьезной научной литературы, увидевшей свет в 2015 г. В ней подведен итог двадцатилетней работы самарских исследователей по выявлению новых документальных материалов, связанных с периодом ссылки С.Ф. Платонова и увековечиванием памяти о его пребывании в нашем городе.

Вышедшая в издательстве «Самарский университет» книга о последних полутора годах жизни С.Ф. Платонова в Самаре носит, как отметил в предисловии к ней профессор П.С. Кабытов, «мемориальный характер». В ней прошлое и настоящее Самары — единое целое, дополняющее и расширяющее восприятие облика города и его истории через фигуру выдающегося русского историка Сергея Федоровича Платонова, имя которого не подлжет забвению. Огромную помощь в увековечивании его памяти оказал выдающийся российский историк академик Сигурд Оттович Шмидт, «который поддерживал мероприятия самарских историков» [1, с. 4-5].

Книга является первым цельным изданием о самарском периоде жизни С.Ф. Платонова. Она состоит из трех разделов, внутренне связанных между собой: «С.Ф. Платонов в Самаре», «Послания из Самары» (1931—1933 гг.), «Всероссийские Платоновские чтения». Издание иллюстрировано фотографиями из архива историка С.Ф. Платонова, из личного архива Г.В. Бичурова и рядом других.

Одно из выступлений профессора П.С. Кабытова «Некоторые мысли о судьбе С.Ф. Платонова, самарском периоде его жизни и увековечивании памяти великого ученого» вошло в первый раздел книги. В нём он обозначил главные направления по увековечиванию памяти С.Ф. Платонова и конкретные шаги, сделанные в Самаре на пути восстановления исторической справедливости в отношении великого русского историка.

Всероссийские Платоновские чтения, которые стали проводиться с 1996 г. по инициативе сотрудников кафедры российской истории Самарского государственного университета, стали первым, наиболее зримым и важным шагом по увековечиванию памяти С.Ф. Платонова на самарской земле, пропаганде «научного наследия академика» и формированию «нового поколения историков».

* © Курятников Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества, Самарский государственный технический университет, kurjatnikov_w@mail.ru

Что могут сделать живые для воссоздания памяти об умерших? Этот принципиальный вопрос встал перед самарскими историками и краеведами в конце 80-х – начале 90-х гг. прошедшего столетия, когда они задалась целью досконально исследовать последний период жизни С.Ф. Платонова. «Мы, – отмечает П.С. Кабытов, – решили установить место захоронения академика Платонова». Кроме названия кладбища, на котором он был похоронен – Всесвятское, – как следует из книги, определить место его последнего упокоения не удалось [1, с. 11].

Из представленного издания читатель узнает, что более чем за два года до начала проведения Всероссийских Платоновских чтений Самарским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (председатель – д.и.н., профессор П.С. Кабытов) предпринимались «усилия по выявлению любых материалов, которые могли бы иметь отношение к академику Платонову С.Ф., в том числе есть намерение установить памятную стелу (доску) на том месте, где находился дом, в котором жил в Самаре Платонов С.Ф., отбывая срок ссылки». «Отыскать тот самый дом и хотя бы этим напомнить о судьбе Платонова в наши дни, – подчеркивает П.С. Кабытов, – оказалось нереально – теперь это исторический центр города, здесь много учреждений и многоквартирных домов». Первоначальное намерение установить памятную стелу (доску) на месте, где находился дом, в котором жил в Самаре С.Ф. Платонов, оказалось неосуществимым [1, с. 12].

И всё же памятный знак С.Ф. Платонову в Самаре на бывшем Всесвятском кладбище был торжественно открыт. Он был установлен на главной аллее парка им. Щорса. Самара — это особо выделено в книге — «первой увековечила память С.Ф. Платонова» [1, с. 14].

Из первого раздела книги читатель узнает, что проведением ежегодных Платоновских чтений, установкой памятного знака дело увековечивания памяти С.Ф. Платонова не ограничилось. В 2007 г. на карте города рядом с классическим университетом появилась улица академика С.Ф. Платонова, а кинорежиссер и поэт Валерий Бакиров в следующем году снял документальный фильм «Академик Платонов в Самаре».

Стоит особо отметить насыщенность книги документальным материалом.

Второй раздел книги – «Послания из Самары» (1931-1933 гг.) – отдан публикации переписки Сергея Федоровича, Нины Сергеевны и Марии Сергеевны Платоновых с Надеждой Сергеевной Платоновой (в замужестве Краевич). Раньше эти письма хранились во Франции. Из вступительной статьи видно, что авторам на состоявшейся в 2010 г. в Санкт-Петербургском государственном университете конференции, посвященной памяти С.Ф. Платонова, удалось познакомиться с Татьяной Дмитриевной Федоровой, правнучкой С.Ф. Платонова, которая и предложила опубликовать «содержание писем и открыток Платоновых из Самары, адресованных еще одной дочери Сергея Федоровича – Надежде (в замужестве Краевич), жившей в Париже» [1, с. 32-33]. Надежда, помимо писем, присылала из Парижа в Самару отцу и сестрам деньги и посылки. Всего в книге приводится 16 посланий,

из них только 3 письма, остальные – открытки. Они дают представление о повседневной жизни опального историка и его дочерей – Нины и Марии в Самаре в 1931 – начале 1933 гг. Послания насыщены описанием бытовых проблем жизни на окраине Самары, ожидания писем и посылок, встреч с родными, небольших радостей («за вкусноту спасибо»). Постоянный контроль за перепиской ссыльных не позволял им писать о важном и сокровенном. Поэтому именно подробности быта являлись лейтмотивом переписки. Лишь изредка в письмах мелькают сведения об окружающей действительности, антисанитарии и неблагоустроенности городских предместий. «Я выздоровел, – пишет он Надежде Сергеевне, – отделался очень легко и удачно. Причины, вода из колодца и водопровода одинаково плохая».

Опубликованные в книге послания наталкивают на мысль о том, что С.Ф. Платонов и его дочери, несмотря на достаточно сносное существование, находились в настоящей ссылке, оторванные от родного города, любимой работы, общения с коллегами и сослуживцами. Факт публикации этих немногочисленных открыток и писем является данью памяти великому русскому историку С.Ф. Платонову.

В третьем разделе книги – «Всероссийские Платоновские чтения» – проанализирована огромная работа по подготовке и проведению ежегодной всероссийской конференции, начало которой было положено в 1996 г. «Организационным центром Чтений, – отмечено в книге, – являлась кафедра российской истории Самарского государственного университета». Тематика и названия секций претерпевали некоторые изменения, «но так или иначе отражали круг научных интересов С.Ф. Платонова». В книге приводятся интересные цифровые материалы по количеству студентов, аспирантов, молодых учёных, ежегодно принимавших участие в работе конференции. Результаты Всероссийских Платоновских чтений оказались впечатляющими. Всего за годы их проведения на конференции выступили с докладами более тысячи аспирантов, соискателей, научных сотрудников, студентов. За 12 лет, по которым имеются данные (с 1999 по 2010 гг.) - из 96 призеров (занявших 1-3 места на секциях) защитили кандидатские диссертации 81 человек, или 84,4%.

Следует ли еще приводить суждения, цифры, факты, имеющиеся в книге, давать ей оценку со знаком плюс? Самое главное – она состоялась. В ней отражена судьба русского историка, оторванного от любимой работы, от творчества. Какие дела С.Ф. Платонов не успел завершить, какие произведения не были им написаны, какие исторические сюжеты остались неосвещенными – можно только предполагать. Вышедшая книга означает, что «платоноведение» на Самарской земле продолжает развиваться, сохраняя память о великом русском историке.

Библиографический список

1. Кабытов П.С., Дубман Э.Л. С.Ф. Платонов и Самара: история и память: материалы и исследования. Самара: Издательство «Самарский университет», 2015. 90 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнале «Самарский земский сборник» публикуются обзорные и оригинальные статьи по историческим наукам, а также краткие научные сообщения и рецензии.

Требования к оформлению статей

Статья, предоставляемая для публикации, должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана.

1. Перед статьей указывается **код УДК**. Его можно определить, в частности, на сайтах <http://www.udk-codes.net> или <http://www.naukarjo.ru/metod.htm> и др.

2. После указания авторов статьи дается сноска, в которой должны содержаться фамилия, имя, отчество авторов (полностью), ученая степень, полное название организации – места работы исследователя, адрес электронной почты и телефон для связи с авторами.

3. После названия статьи дается краткая **аннотация** (3-4 строки) и 3-6 **ключевых слов/словосочетаний** (отделяются друг от друга точкой с запятой).

4. Завершает статью **библиографический список** (т.е. алфавитный перечень всех работ, на которые в статье даются ссылки), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.05-2008, с которым можно ознакомиться по электронному адресу: <http://protect.gost.ru/v.a.s.r.x?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=165614>

5. При использовании Интернет-ресурсов желательно ставить название сайта / сетевого ресурса.

6. **Ссылки в тексте** на упомянутые в библиографическом списке труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц: [1, с. 21]; [1, с.21; 2, с.33].

7. **Ссылки в тексте** на упомянутые в библиографическом списке **архивные фонды** оформляются по следующему принципу: [9. Оп.4. Д.257. Л.86об].

8. После текста статьи и библиографического списка приводятся **на английском языке** имя и фамилия автора, название статьи, аннотация и ключевые слова.

Обязательные параметры электронной версии статьи:

- файл в формате *.doc или *.rtf;
- объем статьи – до 15 тыс. знаков;
- поля: 2 см с каждой стороны;
- абзацный отступ – 1 см;
- межстрочный интервал – 1,5;
- шрифт Times New Roman; размер основного текста – 14, сносок – 10, аннотации и ключевых слов – 12.

Библиографический список в конце статьи:

- в список помещаются только работы или архивные фонды, на которые есть ссылки в тексте;

- список составляется в алфавитном порядке;
- *Фамилии И.О.* авторов оформляются курсивом.

Статьи просим направлять на имя ответственного секретаря издания Леонтьевой Ольги Борисовны по электронному адресу: oleontieva@yandex.ru

Образец оформления статьи

УДК ..

ФИО*

Название статьи

Аннотация:

Ключевые слова:

Текст статьи [1, с...]....[3; 5].... [2, с...; 5, с...]....

Библиографический список

1. *Гуревич А.Я.* История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
2. *Данилевский И.Н.* Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 119-132.
3. *Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1. С.18-35.
4. *Реброва И.В.* Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
5. *Репина Л.П.* От истории империи к истории Британских островов, или Как писать национальную историю в мультикультурном обществе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 10 (33) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000848-1-1>
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 470.
7. РГИА. Ф. 777.
8. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.150.
9. ЦГАСО. Ф.153.

Имя, фамилия (латинск. шрифт)

Название статьи (на англ. яз.)

Аннотация (на англ. яз.):

Ключевые слова (на англ. яз.):

* ФИО, ученая степень, место работы, должность, e-mail, телефон

